

Очень показательно, что цитаты Ломоносов приводит из произведений непререкаемых для его эпохи авторитетов — Гомера, Вергилия, Овидия, а не из «новых» стихотворцев. Единственный не-античный поэт, на которого в данном случае ссылается он, — Камюэнс, или, как пишет Ломоносов, Камуэнс,⁵⁷ но и то лишь потому, что видит у португальского поэта подражание античным «великим стихотворцам»: «Как сему <Вергилию, — П. Б.> Камуэнс подражает, можно видеть в моей „Риторике“, § 158».⁵⁸

Таким образом, источник того, что Д. И. Чижевский, А. Ф. Андьял, проф. Ф. Вольман и другие считают результатом усвоения поэтики барокко, сам Ломоносов указывает в античной литературе.

В том же письме к И. И. Шувалову Ломоносов мимоходом затрагивает одну проблему, которая, по моему мнению, является ключом к пониманию расхождений между Сумароковым и его школой, с одной стороны, и их великим противником, с другой. «Я весьма не удивляюсь, — пишет Ломоносов об И. П. Елагине, — что он в моих одах ни Пиндара, ни Малгерба не находит, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни гречески, ни по-латыни».⁵⁹

Для Ломоносова, превосходно владевшего латинским и хорошо греческим, свободно пользовавшегося немецким, французским, итальянским и английским языками, все эти дворянские молодые люди, незнакомые с античной культурой в оригинале, — в лучшем случае, с грехом пополам знавшие французский или немецкий языки, были людьми «мелкого знания и скудного таланта».⁶⁰ Он, как мы видели, обвиняет Елагина в том, что тот из-за незнания греческого и французского языков ни Пиндара, ни Малерба не знает «и говорить с ними не умеет». Это — замечательная фраза! Обращение Ломоносова к античным писателям было для него не простым чтением, а именно *разговором* с ними. Что это не было случайной обмолвкой, видно из названия одного цикла стихов Ломоносова — «Разговор с Анакреоном», произведения, замечательного тем, что здесь русский поэт не подражал, а полемизировал с прославленным певцом любви и вина, преодолевал анакреонтическую поэтику, его индивидуалистическую, гедонистическую философию во имя высокого общественно-политического, патриотического

⁵⁷ Кстати сказать, это фонетическое написание может служить доводом в пользу того, что Ломоносов знал в какой-то мере португальский язык.

⁵⁸ Ломоносов, т. 10, стр. 491. В § 158 «Риторике» приведен тот же отрывок из Вергилия (в ранней редакции), и затем сказано: «Сему подражая, Камуэнс представляет мис Добрыя Надежды под видом страшного исполина» (там же, т. 7, стр. 228).

⁵⁹ Там же, т. 10, стр. 492.

⁶⁰ Там же, стр. 493.